

*Посвящается директору
партизанского книжного магазина
(личности, известной
в определенных кругах
под кличкой Пинт) за то,
что он задал мне вопрос, который
задает Сьюзен в этой книге.
До сих пор поражаюсь: и почему
другие люди не задали этот
вопрос раньше?..
А также очень многим ушедшим
друзьям*

Все где-то начинается, хотя большинство ученых-физиков с этим не согласны.

Вопрос о начале всегда бередил людские умы. «Вот, к примеру, — задаемся вопросом мы, — как водитель трактора, расчищающего снег, попадает на работу?» Или: «Откуда составители всевозможных словарей знают, что данное слово пишется именно так, а не иначе?» Нас преследует непреодолимое желание найти точку в переплетающихся, крайне запутанных нитях пространства-времени, в которую можно ткнуть метафорическим пальцем и воскликнуть: ага, именно здесь-то все и началось!

Кое-что началось в день, когда Гильдия Убийц приняла на учебу господина Чайчая, чей взгляд на вещи несколько отличался от взглядов других людей. Главное отличие состояло в том, что господин Чайчай относился к живым людям как к неодушевленным предметам. («Мы просто пожалели его, — заявит несколько позднее глава Гильдии лорд Низз. —

Ведь еще в юном возрасте он потерял и мать, и отца. Хотя нам следовало бы разобраться, как и что именно тогда произошло».)

Но куда раньше случилось еще кое-что. Люди забыли. Забыли, что многие старые сказки и предания неизменно повествуют о крови. Самые кровавые сцены были вырезаны из сказок, чтобы сделать их более приемлемыми для детей — ну, или для родителей, читающих их детям (кстати, сами дети к кровавым сценам относятся совершенно спокойно, тем более если кровь проливается заслуженно^{*}). И сказки стали совсем другими.

А еще раньше в самой глубине мрачных пещер и в самой чаще дремучих лесов кто-то подумал: «Что же это за существа такие? Гм, присмотрюсь-ка я к ним повнимательнее...»

И намного раньше образовался Плоский мир, который начал свое путешествие по множественной вселенной на спинах четырех слонов, стоявших на панцире гигантской черепахи, Великого А'Туина.

Возможно, всякий мир чем-то сродни слепцу, попавшему в гигантскую паутину. Чем дальше мир движется, тем больше запутывается в эластичных, клейких ниточках пространства-времени. Эти ниточки влияют на происходящие события, иногда они растягиваются, иногда рвутся или переплетаются, создавая новые формы и образы.

А может, мы все переусложняем. Известный

---

^{*} В том смысле, что человек заслужил, чтобы его кровь пролили. Или не заслужил, но кровь его тоже пролили — такое тоже возможно. В общем, детскую логику понять очень трудно.

философ Дидактилос выразил альтернативную гипотезу следующей очень емкой фразой: «Да какого черта, события просто случаются!»

Перед дверью собрались все старшие волшебники Незримого Университета.

Дверь была закрыта, и не было никаких сомнений в том, что человек, ее закрывший, очень хотел, чтобы она таковой и оставалась. Дюжина гвоздей, вогнанных в наличники, и приколоченные крест-накрест доски недвусмысленно намекали на это. Кроме того, до нынешнего утра дверь пряталась за книжным шкафом.

— Ты что, не видел надпись? — спросил декан. — Полагаю, ты даже ее прочел. Смеею напомнить, она гласит следующее: «Не открывать ни при каких обстоятельствах».

— Конечно, прочел, — кивнул Чудакулли. — Иначе зачем бы мне было открывать эту дверь?

— Действительно, зачем? — поинтересовался профессор современного руносложения.

— Чтобы узнать, почему она была закрыта*.

Он кивнул гному Модо, университетскому садовнику и мастеру на все руки, стоявшему у двери с ломом наперевес.

— Модо, приступай.

Садовник отдал честь.

— Есть, сэр!

---

* Данный разговор может создать вполне достаточное впечатление о человеческой цивилизации. По крайней мере о том, чем она жила до того, как переселилась на дно морское, в резервации или обратилась в дымящиеся кучки пепла.

— На чертежах написано, что это ванная комната, — сказал Чудакулли, пытаясь перекрикивать треск ломаемых досок. — Ну что страшного может быть в ванной комнате? Кроме того, я бы не отказался от отдельной ванной. Мне надоело мыться вместе с вами. Богиня Гиена-Ги этого не одобряет. Можно подхватить всякую заразу. Еще отец меня предупреждал. «Сынок, — говорил он, — там, где моется много людей, берегись грибного гномика».

— Это что-то наподобие зубной феи? — язвительно осведомился декан.

— Я здесь самый главный, и мне нужна личная ванная комната, — твердо заявил Чудакулли. — Вопрос закрыт. Мне нужна ванная комната к страшдеству, понятно?

Когда все началось? Определить начало не так-то просто, тем более если речь идет об оккультных материях, у которых свои представления о ходе времени. В подобных случаях причина и следствие нередко меняются местами.

Где-то на грани слышимости возник легкий звон: «Динь-динь-динь!» Как будто зазвенели маленькие серебряные колокольчики.

Примерно в то же время, когда аркканцлер наводил порядок во вверенном ему учреждении, Сюзен Сто Гелитская, удобно устроившись в своей кровати, читала книгу при свете свечи.

А снаружи крепчал мороз, покрывая окна ледяными узорами.

Ей нравились такие вечера. Уложив детей спать, она могла делать что хотела. Госпожа Гетра боя-

лась что-либо указывать Сьюзен, хотя и платила ей зарплату.

Впрочем, дело было не в деньгах. Главное, Сьюзен наконец Обрела Независимость и Поступила На Работу. Работа гувернанткой — это ведь тоже работа. Сложнее было примирить работодателей с мыслью, что на них работает настоящая герцогиня, ведь, согласно правилам госпожи Гетры, не слишком многочисленным и написанным большими кривыми буквами, представители высшего общества работать не должны. Они должны бездельничать. Сьюзен стоило больших трудов отучить госпожу Гетру при каждой их встрече приседать в реверансе.

От книжки Сьюзен отвлекло странное мерцание.

Пламя свечи было направлено горизонтально, будто при очень сильном ветре.

Она подняла голову. Шторы взвились, и...

...Оконные ставни с треском распахнулись.

Но ветра не было.

По крайней мере, в этом мире.

В ее воображении стали возникать образы. Красный мячик... Потом она ощутила острый запах снега. А потом все исчезло, и вместо этого...

— Зубы? — под нос пробормотала Сьюзен. — Но мои зубы давно...

Она моргнула, а когда снова открыла глаза... Окно было закрыто, как ему и полагалось. Шторы скромненько висели на своих местах. Пламя свечи невинно вздымалось вверх. О нет, неужели опять? Ведь прошло немало времени. Жизнь только начала налаживаться...

— Шьюзен?

Она оглянулась и увидела у двери босую девочку в ночной рубашке.

Сьюзен вздохнула.

— Да, Твила?

— Я боюсь чудовися в подвале, Шьюзен. Оно хоцет миня съестъ.

Закрыв книгу, Сьюзен погрозила девочке пальцем.

— Опять этот твой голосок. По-моему, мы с тобой говорили на эту тему, и не раз.

— Говорили, — согласилась девочка. — Ты сказала, что я коверкаю слова только для того, чтобы привлечь к себе внимание. И это тебя так бесит, что ты мне голову оторвать готова.

— Ну хорошо, что за чудовище появилось на сей раз?

— Огромное и волосатое цу...

Сьюзен подняла палец.

— Кто?

— Чудовище. Восьмилапое, — быстро поправилась Твила.

— Что? Опять? Ладно...

Она встала с кровати и накинула на плечи халат. Спокойнее, спокойнее, надо взять себя в руки, только не при девочке. «Иногда они возвращаются...» Нет-нет, вовсе не чудовища. Обитающие в подвалах чудовища — ерунда, часть ежедневной работы. Но похоже... похоже, она снова начинает вспоминать будущее.

Сьюзен покачала головой. Как далеко ни убегай, от себя не убежишь.

То ли дело чудовища. Раз-два — и готово. Она давно научилась справляться с ними. Взяв с каминной решетки кочергу, Сьюзен в сопровождении Твилы направилась к черной лестнице.

Семейство Гетров устраивало вечеринку. Из столовой доносились приглушенные голоса.

Сьюзен на цыпочках кралась мимо, как вдруг дверь, ведущая в столовую, открылась, коридор залил желтый свет и раздался чей-то голос:

— Ого! Тут какая-то девушка в ночной рубашке, да еще с *кочергой* в руке!

Повернувшись, Сьюзен увидела множество незнакомых лиц, на фоне которых выделялось озабоченное лицо госпожи Гетры.

— Сьюзен? Что ты здесь делаешь?

Сьюзен опустила взгляд на кочергу, потом снова посмотрела на женщину.

— Твила сказала, что в подвале чудовище, госпожа Гетра, — честно ответила она.

— И ты решила устроить ему взбучку кочергой? — уточнил один из гостей.

Из столовой пахло бренди и сигарами.

— Ага, — коротко кивнула Сьюзен.

— Сьюзен — наша гувернантка, — пояснила госпожа Гетра. — Я вам о ней рассказывала.

Выражения лиц резко изменились. Теперь собравшиеся в столовой люди смотрели на Сьюзен полуизумленно-полууважительно.

— Она что, правда лупит чудовищ кочергой? — спросил кто-то.

— Честно говоря, хорошая мысль, — сказал другой гость. — Маленькой девочке показалось,

что в подвале притаилось чудовище, ты спускаешься вниз с кочергой, поднимаешь там шум, будто бы кого-то колотишь, и ребенок спит себе спокойно. Очень разумная девушка. Правильный и современный подход.

— Так все и происходит, а, Сьюзен? — с некоторым беспокойством осведомилась госпожа Гетра.

— Да, госпожа Гетра, — покорно ответила Сьюзен.

— Клянусь Ио, на это стоит полюбоваться! Не каждый день видишь, как приятная девушка лупит чудищ кочергой! — воскликнул один из мужчин.

Зашелестел шелк, запах сигар стал еще более нестерпимым, и гости дружной толпой выплеснулись в коридор.

Вздохнув, Сьюзен обреченно направилась к подвалу, а Твила села на лестничные ступеньки, обхватив руками коленки.

Дверь открылась и закрылась.

Некоторое время было тихо, а потом раздался душераздирающий вопль. Одна из дамочек тут же брякнулась в обморок, а один из мужчин выронил сигару.

— Не бойтесь, — попыталась успокоить гостей Твила. — Все кончится хорошо. Она всегда побеждает.

Из подвала доносились звуки глухих ударов. Потом послышался особо громкий лязг, увенчавшийся чьим-то предсмертным хрипом.

Наконец дверь снова распахнулась. На пороге стояла Сьюзен, сжимая в руке изогнутую под пря-

мым углом кочергу. Раздались восторженные, но несколько нервные аплодисменты.

— Отличная работа, — произнес один из гостей. — Очень персикологично. Особенно этот маленький штришок: согнутая кочерга. Ну, малютка, ты больше не боишься?

— Нет, — ответила Твила.

— Очень персикологично.

— Сьюзен говорит: надо не бояться, а злиться.

— Э... спасибо, Сьюзен, — произнесла госпожа Гетра, она же комок нервов. — Сэр Джеффри, господа, дамы, предлагаю всем вернуться в столовую, то есть в гостиную...

Гости устремились прочь по коридору.

— Очень убедительно... — услышала Сьюзен, прежде чем закрылась дверь. — Особенно то, как она согнула кочергу...

Сьюзен решила еще немножко выждать.

— Твила, они все ушли?

— Да, Сьюзен.

— Хорошо.

Вернувшись в подвал, Сьюзен выволокла оттуда нечто большое, косматое и восьмилапое, после чего вкатила его по ступенькам, протащила по коридору и выпихнула на задний двор. С рассветом чудовище должно было испариться.

— Вот так мы и поступаем со всякими чудовищами, — объявила она.

Твила не сводила с нее восторженных глаз.

— А теперь пора в кроватку, — сказала Сьюзен, поднимая девочку на руки.

— А можно я возьму кочергу с собой?

— Конечно.

— Она ведь убивает только чудовищ, верно? — сонным голосом произнесла девочка, пока Сьюзен несла ее вверх по лестнице.

— Именно так, — сказала Сьюзен. — Причем всех видов.

Она положила девочку на кровать рядом с братом и прислонила кочергу к игрушечному буфету.

Кочерга с бронзовым набалдашником была сделана из какого-то дешевого металла. Сьюзен очень хотелось бы отходить ею прежнюю гувернантку, воспитывавшую детей.

— Сп'ночи.

— Спокойной ночи.

Она вернулась в свою маленькую спальню и, подозрительно покосившись на шторы, забралась в постель.

Как было бы приятно думать, что все происшедшее в этой комнате лишь пригрезилось ей. Приятно... и очень глупо. Она уже два года жила почти реальной жизнью в реальном мире и практически не вспоминала о будущем...

Да, иногда ей кое-что снилось (а ведь сны порой бывают очень даже реальными).

Сьюзен постаралась не обращать внимания на свечной воск, застывший так, будто некоторое время свеча стояла на *очень сильном* сквозняке.

Пока Сьюзен пыталась забыться сном, лорд Низз сидел в своем кабинете и разбирал накопившиеся за день бумаги.

Лорд Низз был наемным убийцей. Вернее, На-

емным Убийцей с большой буквы. Заглавные буквы — это вам не просто так. Наемные убийцы отличаются от обычных головорезов, убивающих за мзду, полученную от джентльменов, к которым иногда обращаются другие джентльмены, которым по каким-либо причинам необходимо лишить прелестей жизни третьих джентльменов.

Члены Гильдии Убийц считали себя образованными людьми, разбирающимися в музыке, еде и литературе. А еще они знали цену человеческой жизни. В большинстве случаев с точностью до пенни.

Стены кабинета лорда Низза были отделаны дубом, а пол устлан коврами. Мебель была старой и потертой, но подобная «изношенность» характерна лишь для хорошей мебели, которой бережно пользуются на протяжении вот уже нескольких веков. Такую мебель можно назвать *выдержанной*.

В камине горел огонь. Рядом с ним дрыхли два пса — типичнейшим для больших мохнатых псов образом.

Тишину нарушали только их похрапывание, треск поленьев в камине да скрип пера лорда Низза, то есть все звуки только подчеркивали тишину.

По крайней мере, так оно было, пока кто-то не откашлялся.

Очень характерным кашлем. Так кашляют не когда хотят избавиться от застрявшей в горле хлебной крошки, но когда намереваются вежливо сообщить о присутствии рядом данного горла.

Низз перестал писать, однако головы не поднял.